

Не совсем рецензии

Две сиротки

Мелодрама всегда считалась незаконной и фальшивой формой театра. Так оно и есть. Слеза и потоки, музыка и кулак, маленькая грязь и пошлая добродетель слиты в ней неразделимо; и вся она носит печать породившего ее — меланхолического вкуса. Поэтому она протекала всегда вдоль обочины, в стороне от больших русел драматической литературы. Это типичный буржуазный театр для бедных, суррогат и дешетка.

Графы и уличные пиццы, подкинутые дети, беднейшие ангелы и чернейшие злодеи, похищения и разоблачения, калеки и красавицы. И все эти отбросы литературы — для бедных и для детей (потому что это читало и детскую литературу) — добреньки и приправлены самым изломанным и неправдоподобным представлением о жизни и самыми большими слитыми витками сценической композиции.

Но рядом с этим мелодрама вбирала в себя и культивировала (как это всегда бывает с нечистыми литературными формами) и многое здоровое и нужное, что так или иначе не находило себе места в официальном и признаваемом театре. Здоровый, наивный интерес и занимательность фэбулы; преувеличенное, но яркое, в массе здоровое чувство, как повышенная реакция зрителя повороче; — смех, восторг, негодование, сочувствие; свой театральный язык условных образов и фигур, и форм, который умеет заражать, волновать, провоцировать зрителя на активность и выразить — пусть несовершенно — какой-то новый голос другого актера и другого зрителя. Это и заставило многих тетралейных деятелей наших дней, и в том числе Луначарского, горячо отстаивать мелодраму, очищенную, прожженную, ацидную мелодраму, как временный путь для нашего театра — театра сильного и громкого прежде всего.

И у нас с постановкой мелодрамы можно было связывать надежды. Овесжить провинциальный шаблон, задеть зрителя, показать новую манеру и стиль — это можно было сделать. Правда, «Две сиротки» — далеко не лучшая мелодрама. Ее история та же, что рассказана пародией на детском языке:

Дама сидела на ветке
Писала: Милые детки!
Солнышко чмокнуло кустику,
Итичка оправдала бюстик.
И обнимая ромашку,
Купает манную кашку...

Но великий выбирает по силам и по вкусу. У нас мелодраму сделали неспособной, как эти стихи. Добросовестно, по бытовому, под сурдинку, всерьез итички оправдали бюстики, чмокали кустики и обнимали ромашку. В Красной Звезде на экране это обычно лучше делают. И случайная, несвязанная со словом, с движением музыка. В мелодраме она элементарный языком вводит в условный стиль, оправдывает неправдоподобное, как шарманка — «Маруся отравилась». У нас (так всегда, впрочем) она подается просто, как манная кашка. Слаще.

В мелодраме особенно внимательно, как подать ее. Кто-то из русских поэтов писал: «из-за недостатка простой зажиточности случается что какая-нибудь аксиома вредна парадоксом, или что какой-нибудь сарказм превращается в поучение». А ведь зажиточная же тетралейная интонация. Слази же иначе — и мелодрама оправдана.

Бенефициантка, А. Васильева — играет сухо, благородно, не размазывая без слезы с самой хорошей простотой и легкостью. Но нет все время черты, которая разделяла бы жалостливость, наиграную уличной попрошайкой чтоб тронуть прохожего, от настоящей трогательности сестры. Без этого пронадаст весь образ, он не колет жалостью. Так хорошо, прочувствованно в детской читают книгу вслух, немного увлекаясь и входя в роль.

Недомерок

Недомерок бесспорно, — веселый и хороший спектакль. Один из лучших. Веселая и сценическая комедия, она была разыграна так, что заинтересовала, смешала, смот-

релась легко, слушалась и приняла. Все она держится на центральном обороте. Недомерка.

Е. Васильева, бенефициантка, с чувством меры и вкуса, в самых светлых комедийных тонах сыграла дерзкую и очаровательную уличную девочку. Мы почти не видели ее в комедии.

Ее высокий и тонкий голос, натянутый всегда как струна, что вот-вот порвется; напряженный звук и тон, всегда вверх летящие слова с легким надломом, стрелочкой, с маленьким надрывом страсти, с какой-то сумасшедшиной в каждой роли: чуть истеричный и кликушески-нежный, ломкий смех и плач (одинаковые), как из стекла, из льдинок, — все это всегда почти до какого-бы уровня ни подымалось исполнение, — было с душой и жло настоящим огоньком. Но этой напряженности можно было бояться сильно в комедии.

И «друг» — неподдельная эксцентричность, и дикость, и дерзость, и непринужденная звонкость исполнения, острота его. Все это оромантизированное — настоящая белая птица над золотом. Это оромантизированное дитя улицы, разоблачающее внутреннюю буржуазную дрянь. Совсем приземленный слой романтической пудры в пьесе и в исполнении.

Шейн (Тибо) легко, забавно, смело, непринужденно сыграл свою роль. Настоящий, великолепный комедийный тон. Конечно, его призвание — комедия.

В заключение водоваль. Когда-то это было обязательно в столицах, и в провинции — кончить шуткой. И шутили хорошо и весело. Я думаю, что это надо делать чаще. Кто не шутит, не умеет быть и серьезным.

Жизнь искусств

Великий агитатор.

X Съезд Советов обратил самое серьезное внимание всех органов Советской власти, а также Наркомпроса на огромное агитационное и просветительное значение, которое может и должна иметь кинематография для широких масс населения. Съезд поручил Наркомпросу принять немедленно меры к развитию этого дела в духе соответствующем интересам культурного и политического развития рабочих и крестьян.

Перед коммунистами и содействующими очередная задача в области художественной культуры: свое кино-производство.

Мы имеем только что народившийся первый пролетарский кино-кооператив. Он только что приступает к работе. Мы имеем Всероссийское фото-кино отделение Наркомпроса, которое современное положение жалко. Оба эти учреждения нуждаются в укреплении и всемерной поддержке. Вслед за общими директивами X Съезда Советов должен последовать ряд конкретных мероприятий.

Новые книги.

Госиздатом выдано: Сперицкий В. Н. — Ламенэ, как политический деятель. Стр. 103. Печать и революция. Кн. VIII Стр. 304. Розенфельд Э. — Строение атома и искусственное разложение элементов. Ст. 177. Блечинский А. — Сборник вопросов и задач по элементарной физике. Ст. 183.

Библиография

И. СТЕПАНОВ: «О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах». Его же: «О таинстве святого причащения». «Сказание о непорочном зачатии» (по П. Лафаргу обработал Н. Бутковский). Изд. «Красная Новь».

На редкость в популярной форме, простым языком, понятным каждому крестьянину, т. Степанов дает историю «богов» мира эксплуатации и паразитов, которым нужно было держать народ в темноте, в слепоте религиозных верований и предрассудков. Автор умел на нескольких страницах дать квинт-эссенцию выводов научного коммунизма.

Такие брошюры надо печатать в сотнях тысяч экземпляров.

Едкий и яркий памфлет Лафарга общеизвестен, т. Бутовский обработал его применительно к самой неподготовленной аудитории, хотя достигнуть ясной популярности рассказа И. Степанова ему взлетки не удалось.